

УДК 81-25 + 811.1/2 + 811.161.1'34

ОТ ДЕСЕМАНТИЗАЦИИ – К ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ (о смысловых и функциональных трансформациях редуцированных форм частотных слов в устной повседневной речи)¹

Дарья Андреевна Пальшина

аспирант 2-го года

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9. ruslangdaria@yandex.ru

Настоящая статья посвящена описанию некоторых редуцированных форм частотных слов, которые в ряде их употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое значение и приобретают прагматическое. Таким образом прослеживаются этапы перехода редуцированных форм «из речи в язык». На пути к получению лексикографической фиксации та или иная речевая единица должна пройти несколько этапов изменения: фонологическое, семантическое, прагматическое и др. Процессы десемантизации единицы или «вымывания» семантики, а также ее ресемантизации расширяют круг контекстов, в которых она может функционировать, в результате чего может измениться и частеречная принадлежность слова. Приобретая новую семантику, прагматику и просодику, а также синтаксическую независимость, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся сугубо прагматическими единицами. Таким образом, процессы десемантизации, ресемантизации и прагматикализации могут привести к возникновению новой самостоятельной единицы.

Ключевые слова: спонтанная повседневная речь; редукция слова; аллегрная форма; десемантизация; прагматикализация.

Одной из отличительных черт устной повседневной речи является вариативность ее единиц, которая в наибольшей степени свойственна сверхчастотным словам, существующим в нашей речи как в своих идеальных фонетических обликах, так и в аллегрных (редуцированных) формах (АФ), ср.: «Частота повторения одного слова благоприятствует его изменению и сокращению» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 233-234]. К таким единицам относятся многие служебные части речи (*если, что, когда*), целый ряд имен числительных (*шестьдесят, тысяча*), местоимений (*меня, тебе, сколько*), модальных и вводных слов (*как говорится, кажется, может быть*), некоторые сверхчастотные глаголы (*говорить, сказать*) и наречия (*сейчас, здесь*), реже существительные (*человек, жизнь, рубль*).

Работа с корпусным материалом (Звуковой и Национальный корпусы русского языка, в первом случае использовался блок «Один речевой день» (ОРД)², во втором – два подкорпуса: уст-

ный и основной, фиксирующий особенности произношения в письменных текстах) привела к убеждению, что редукция многих (в первую очередь сверхчастотных) форм устной речи является одним из путей пополнения русского лексикона. При передаче языка от поколения к поколению некоторые АФ могут стать «достоянием сознания и даже вытеснить старую идеальную форму» [Щерба 1974: 143]. Представляется, что на пути к такому «вытеснению» и получению лексикографической (или просто письменной) фиксации та или иная речевая единица должна пройти несколько этапов изменения: фонологического, семантического, прагматического и др.

Частота употребления единицы приводит к изменению ее звукового и письменного облика, а также к десемантизации, ослаблению связи формы и содержания. В истории русского языка найдется немало примеров, подтверждающих такой процесс «вымывания» семантики и рождения нового слова: *ишь* ← *вишь* ← *видишь*; *мол* ←

молвил; слышь ← слышишь; спасибо ← спаси Бог; пожалуйста ← пожалуйста, сударь и др.

На современном этапе развития языка некоторые аллегровые формы сверхчастотных слов получают новый семантико-стилистический и/или прагматический статус, например: АФ **щас** (сейчас), **здэрастье** (здравствуйте), **ваще** (вообще), **жысь** (жизнь).

Так, одной из наиболее частотных форм в нашей речи, по результатам анализа материалов ОРД, является АФ **щас** (90 % - аллегровые варианты **щас** и **ща**, 10 % - полная форма **сейчас**). Можно проследить процесс ее десемантизации, ср.:

(1) - Получается? - **Щас** покажем. Братья Козловы с готовностью засопели [В. Крапивин. Белый шенок ищет хозяина (1962)];

(2) *А он - службе верный: он те щас покажет, какая у него верность* [Г. Владимов. Верный Руслан (1963–1965)];

(3) - *Я те щас поговорю, «сбесился», - сказал хозяин* [Г. Владимов. Верный Руслан (1963–1965)];

(4) - *А вот я тебя не боюсь! Я тебя щас!* - и красный суховатый кулак потянулся прямо к физиономии [В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)].

В примере (1) форма **щас** выступает в роли обычного наречия со значением времени. Далее в примерах (2), (3) и (4) ее связь с наречием ослабевает. Выражения *он те щас покажет; я те щас поговорю; я тебя щас!* экспрессивны и вполне идиоматичны, по семантическому наполнению форма **щас** в этих конструкциях ближе к частице *вот* (ср.: **Вот** как дам тебе!), нежели к наречию. Особая интонация, с которой произносятся эти выражения, а также определенный порядок слов позволяют отнести их к так называемым *интонационным фразеологизмам* (см. [Светозарова 1999; Архипецкая 2012]) или к *синтаксическим фраземам* (см. список русских синтаксических фразем в [Коптев 2008: 50–52]). Но в данных выражениях, как представляется, более важную роль играет не интонация или порядок следования компонентов, а употребление аллегровых форм (*тя/те* и **щас**).

В следующих примерах также наблюдается семантический разрыв АФ **щас** с наречием **сейчас**:

(5) - [Марина, жен] *Я? Ха! Щас прям! Недостойны они этого!* [Разговор двух друзей (2006)];

(6) - *В ЗАГС? Щас! Ё любил он повторять* [Е. Тихонова. Жениться надо на училках! (2004) // Амурский меридиан (Хабаровск). 2004].

В контекстах (5) и (6) форма **щас** приобретает новое значение, которое можно определить как 'несогласие, отказ, «скептическая улыбочка»' (ср.: *Простая демонстрация волшебных свойств продукта с призывом купить все чаще порождает скептическую улыбочку: «щас!»* [В. Ляпоров. Евро за доллар (2004) // Бизнес-журнал. 2004.08.17]); с грамматической точки зрения **щас** выступает в функции междометия. Такое приобретение единицей нового значения, или *ресе-мантизация*, наблюдается в нашей речи и у единиц **здэрастье**, **ваще** и **жысь/жысь**.

В ситуации возмущения, удивления, недовольства, несогласия с собеседником и т. п. говорящий скорее будет использовать АФ **здэрастье!** (как варианты - **здраст**, (з)дэрастье пожалуста!), нежели полную форму **здравствуйте** (см. контексты из ОРД):

(7) - *Вы не хотите ин... оформить инвалидность ? *П Так а(:) / кто / а кто мне её (...) да... даст ? # Здэрастье ! *П Тут по... по вашим болячкам / я тут почитала / у вас куча болячек* (ОРД; Ж1#И7)³;

(8) - *да / его все очень любили // # ой / а ты же старше Сашки / да ? // *П на один год // *П ну здраст / на десять лет !* (ОРД; Ж2#И4#Ж1);

(9) *так / доставка // вот доставка // а что ж это у меня получилось-то ? *П чистый лист / дрэрастье пожалста!* (ОРД; И24).

Спектр эмоций, начиная с восхищения, удивления и заканчивая негодованием, можно выразить с помощью АФ **ваще** (воще):

(10) - *Витька! Ты воще! - выхватывая бутылку, закричала женщина* [А. Иванов. Географ глобус пропил (2002)];

(11) *Во бьет! Ну просто ваще-е-е!* [Объявления // Трамвай. 1990].

Негативное отношение к жизни говорящий скорее выразит, употребив АФ **жысь**:

(12) *Эх, и жысь моя ты - горькая кручи-нушка-а-а...* [И. Шмелев. Лето Господне (1927–1944)];

(13) *Митька отхлебнул еще из канистры и закусил салом. - Жысь!* [В. Шукшин. Начальник (1960–1971)].

Утратив значение, аллегровые формы могут употребляться в нашей повседневной речи и в функции заполнителя паузы гезитации, о чем свидетельствуют контексты с редупликацией (АФ) **щас**:

(14) *(а) так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // щас-щас-щас // ну подожди* (ОРД; М1#И38);

(15) *что такое ? сейчас // *П *В *П щас-щас-щас-щас-щас / да-да-да-да-да-да-да // *П шмяк / шмяк / шмяк // так / шмяк шмяк // что*

у нас тут со шмяком получилось / хорошо всё (ОРД; И24).

Таким образом, процессы «вымывания» семантики, или в другой терминологии «обесцвечивания» («bleaching») слова (см.: [Bybee 2003: 605]), а также его ресемантизации расширяют круг контекстов, в которых эта единица может функционировать. Следовательно, изменяется и ее частеречная принадлежность. Так, *вишь* когда-то стало частицей, *слышь* - вводным словом, *спасибо* - междометием и т. д. Из последних «ново-рожденных» единиц нашего словаря можно отметить местоименную форму *те*, превратившуюся в частицу, а также форму наречия *щас*, употребляющуюся как междометие. Аллегривая форма *грит* (*гыт*) может пополнить ряд кодифицированных ксенопоказателей. Исследователи давно ставят ее в один ряд с такими частицами, как *мол*, *дескать*, *де*, указывающими на цитаты из чужой речи, на субъективно окрашенную передачу чужой речи (см.: [Виноградов 1972: 573–574; Левонтина 2010]), ср.:

(16) - *Припасли, наработали. - Мы, гыт, голодны... - Дармоеды, сукины дети* [А. Веселый. Россия, кровью умытая (1924–1932)].

Аллегривая форма *слушь* вполне может претендовать на место в словаре с частеречной характеристикой *вводное слово* наравне с давно кодифицированной единицей *слышь*:

(17) *И в ответ восторженному: «Федька-то а? Слушь, это у тебя откуда же?» - хитро прижмуривает глаз* [Е. Замятин. Рассказ о самом главном (1923)].

Иными словами, в современной повседневной устной речи буквально на наших глазах происходит процесс *прагматикализации* (см.: [Gynther, Mutz 2004; Graf 2011: 288, 296; Богданова-Бегларян 2014]), в ходе которого определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» [Graf 2011: 296]. Так, аллегривые единицы *здасьте*, *щас* и *ваще* могут считаться *междометными прагматемами* [Graf 2011: 297], которые отличаются от своих производящих форм тем, что приобретают новую семантику, новую прагматику и просодику, а также известную синтаксическую независимость.

Многие АФ постепенно двигаются к полной лексикализации, преодолевают путь «из речи в язык», свидетельством чего является целый ряд факторов, таких как вариативность их орфографического представления (*ща*, *щас*, *счас*, *сичас*,

сечас; *ваще* и *воще*), фонетизация (*жизнь* → *жизь* → *жись* → *жысь*), а также процессы де- и ресемантизации и прагматикализации.

При любом лингвистическом анализе русских текстов, во многих прикладных аспектах языкознания и, в частности, в практике преподавания русского языка как иностранного полезно учитывать процесс перехода аллегривых форм «из речи в язык», равно как и само их существование в нашей речи. Некоторые аллегривые единицы, утратив (полностью или частично) свое лексическое значение, начинают выполнять в нашей речи довольно большое количество разнообразных функций, что дает основание включить их в класс прагматем. Необходимо, как представляется, *Словарь прагматем русской разговорной речи*, где подобные единицы были бы сгруппированы по их функциям и подробно описаны (см. также о необходимости словаря прагматем: [Богданова-Бегларян 2014: 20]). Кроме того, в настоящее время идет работа над созданием *специального словаря редуцированных форм русской речи* с максимально полным описанием каждой единицы в ее устном и письменном бытовании (см.: [Пальшина 2011; Пальшина 2012]). Наличие такого словаря позволит получать данные не только об употребительности в нашей повседневной речи той или иной аллегривой формы, но и о представленности всех реальных форм языковых единиц с отражением особенностей их функционирования.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

² Подробнее о блоке ОРД как одном из модулей Звукового корпуса русского языка см., например: [Богданова-Бегларян и др. 2015; Bogdanova-Beglarian et al. 2015].

³ Об особенностях орфографического представления материала в корпусе ОРД см.: [Шерстинова и др. 2009]. Все примеры из этого корпуса в статье атрибутируются с указанием номера информанта (например, И7) или его коммуникантов (например, Ж1). В обозначении последних учитывается их гендерная принадлежность (М/Ж).

Список литературы

Архитецкая М. В. Интонационные фразеологизмы со значением эмоционального отрицания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 24 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.

Богданова-Бегларян Н. В. и др. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи / А. С. Асиновский, О. В. Блинова, Е. В. Маркасова, А. И. Рыко, Т. Ю. Шерстинова // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. / ред. Д. Шумска, К. Оза. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. Вып. 2. (В печати).

Бодуэн де Куртене И. А. Об общих причинах языковых изменений // Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. I. С. 222–254.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972. 616 с.

Коптев М. В. Принципы синтаксической идиоматизации. Helsinki University Press, 2008. 52 с.

Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке. М., 2010. URL: // <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/44.htm/> (дата обращения: 06.06.2015).

Пальшина Д. А. Звуковой корпус русского языка как материал для словаря редуцированных форм русской речи // Русская филология. 22: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2011. С. 183–186.

Пальшина Д. А. Редуцированные формы русской речи: история и перспективы лексикографического описания. Palmarium Academic Publishing, Heinrich-Bocking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, Германия, 2012. 147 с.

Светозарова Н. Д. Интонационные фразеологизмы со значением отрицания // Материалы 27-й межвуз. науч.-метод. конф. С.-Петерб. ГУ, Секция фонетики. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. ГУ, 1999. С. 34–37.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. СПб.: Факультет филологии и искусств С.-Петерб. ГУ, 2009. С. 66–75.

Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 141–146.

Bogdanova-Beglarian N., Martynenko G., Sherstinova T. The «One Day of Speech» Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of Everyday Spoken Russian // 17th International Conference on Speech

and Computer (SPECOM-2015). Athens, Greece, September 20–24, 2015. (In Print).

Bybee J. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // B. D. Joseph and J. Janda (eds.) The Handbook of Historical Linguistics. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.

Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.

Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian / W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.

References

Arhipetskaja M. V. Intonatsionnye frazeologizmy so znacheniem emotsional'nogo otritsaniya. Avtoref. diss. kand. fil. nauk [Intonation idioms with the meaning of emotional negation. Synopsis of Cand. philol. sci. Diss.]. St. Petersburg, 2012. 24 p.

Baudouin de Courtenay I.A. Ob obshhikh prichinakh jazykovykh izmenenij [On the general reasons for language change]. Izbrannye trudy po obshchemu jazykoznaniju [Selected Works on General Linguistics]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. 1963. P. 222–254.

Bogdanova-Beglarjan N. V. Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponjatija i obshhaja tipologija [Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 3 (27). P. 7–20.

Bogdanova-Beglarjan N. V. et al. Zvukovoj korpus russkogo jazyka: novaja metodologija analiza ustnoj rechi [Speech Corpus of the Russian Language: a New Methodology for the Analysis of Oral Speech]. Jazyk i metod: russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovanijakh XXI veka [Language and Method: the Russian Language in Linguistic Studies of the XXI century]. 2015. Iss. 2. In print.

Bogdanova-Beglarian N., Martynenko G., Sherstinova T. The «One Day of Speech» Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of Everyday Spoken Russian. 17th International Conference on Speech and Computer (SPECOM-2015). Athens, Greece, September 20–24, 2015. In print.

Bybee J. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency / B. D. Joseph and J. Janda (eds.) The Handbook of Historical Linguistics. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.

Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.

Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian / W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.

Kopotev M. V. Printsipy sintaksicheskoy idiomatizatsii [Principles of Syntactic Idiomatization]. Helsinki University Press, 2008. 52 p.

Levontina I. B. Pereskazyvatel'nost' v russkom jazyke [Quotation and Rendering Markers in the Russian Language]. Moscow, 2010. Available at: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/44.htm/> (accessed 06.06.2015).

Pal'shina D. A. Redutsirovannye formy russkoj rechi: istorija i perspektivy leksikograficheskogo opisanija [Reduced Forms of the Russian Vocabulary: the History and Prospects of Lexicographical Description]. Palmarium Academic Publishing, 2012. 147 p.

Pal'shina D. A. Zvukovoj korpus russkogo jazyka kak material dlja slovarja redutsirovannykh form russkoj rechi [The Speech Corpus of the Russian Language as the Material for the Dictionary of Reduced Forms of the Russian Vocabulary]. Russkaja filologija. 22. Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov [Russian Philology. 22. Collection of Research Papers of Young Philologists]. Tartu, 2011. P. 183–186.

Sherstinova T. Ju., Ryko A. I., Stepanova S. B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpuse russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [The Annotation System in the Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»]. Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskoi konferencii [Formal Methods for Speech Analysis. Proceedings of the XXXVII International Conference on Philology] St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2009. P. 66–75.

Shherba L. V. O raznykh stiljakh proiznoshenija i ob ideal'nom foneticheskom sostave slova [On Different Styles of Pronunciation and Perfect Phonetic Composition of Words]. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. P. 141–146.

Svetozarova N. D. Intonatsionnye fraseologizmy so znacheniem otritsanija [Intonation Idioms with the Meaning of Negation]. Materialy 27-j mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoi konferencii SPbGU, Sekcija fonetiki [Proceedings of the 27th Inter-University Scientific Conference at St. Petersburg State University, Phonetics]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ., 1999. P. 34–37.

Vinogradov V. V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [The Russian Language (a Grammatical Doctrine of the Word)]. Moscow, 1972. 616 p.

FROM DESEMANTISATION – TO PRAGMATICALISATION (on semantic and functional transformations of reduced forms of frequently used words in everyday speech)

Darya A. Palshina
Postgraduate Student
Saint Petersburg State University

The article describes some of reduced forms of frequently used words, which lose their lexical meaning (in whole or in part) and attain pragmatic meaning in some of their everyday speech usages. Thus we can trace the stages of the transition of reduced forms «from speech to language». On the way to lexicographic fixation, a speech unit should undergo several stages of change: phonological, semantic, pragmatic, etc. The processes of its desemantisation or «semantic bleaching», as well as its resemantisation broaden the scope of the contexts in which it can function. As a result, the part of speech, which the word belongs to, can change as well. Acquiring new semantics, pragmatics, prosody and syntactic independency, some lexical units transit to the pragmatic communicative level of the language and might become solely pragmatic units. Hence the processes of desemantisation, resemantisation and pragmaticalisation can lead to the emergence of an entirely new word.

Key words: spontaneous everyday speech; word reduction; reduced form; desemantisation; pragmaticalisation.